

- С. *Колода, сударь, высока.*
 Б. *Ты бы обрубилъ!*
 С. *Я и такъ, сударь, всѣ ноги отрубилъ.*
 Б. *Такъ ты коня извелъ!*
 С. *Нѣтъ, сударь, на живодерный дворъ отвелъ.*
 Б. *Онъ значить пропалъ?*
 С. *Нѣтъ, сударь, онъ въ дѣло попалъ.*
 Б. *Аѳонька!*
 С. *Чаво, сударь?*
 Б. *Ты на моемъ хлѣбъ былъ?*
 С. *Былъ сударь.*
 Б. *А что онъ хороши?*
 С. *Хорошъ, сударь.*
 Б. *А какъ хорошъ?*
 С. *Колосъ отъ колосу—не слыхашъ голосу, конна отъ конны—
 три дня пзды.*

А. Можаровскій сопоставляетъ Аѳоньку съ сказочнымъ Иванушкой—себѣ на умѣ, а въ баринѣ видитъ отраженіе бытовыхъ чертъ. Безспорно, и въ Торопецкой, и Казанской сценкахъ бытовые черты слишкомъ ярки и замѣтны, чтобы можно было ихъ отрицать. Но, думается не въ нихъ сущность дѣла: самая форма діалога, идея представить придурковатаго барина, обманываемаго издѣвающимся надъ нимъ слугою — свойственна и западноевропейскому старинному театру¹⁾ и, какъ мы видѣли — старопольскому. Особенно любопытнымъ является то обстоятельство, что торопецкая «камедь» сложилась, внѣ сомнѣній, подъ воздѣйствіемъ вертепной драмы, осложненной и у поляковъ и у бѣлоруссовъ и малоруссовъ—рядомъ бытовыхъ сценокъ, находящихся сродни, точнѣе—въ генетической зависимости отъ интермедій, которыми пересышалось дѣйствіе мистеріи и школьной драмы. Отзвуки вертепной драмы настолько сильны въ Торо-

1) Морозовъ, Исторія р. театра, I, 10.